

18+

Лина Лисова

ЛОПАСТИ

Лина Лисова

Лопасты

«Издательские решения»

Лисова Л.

Лопасты / Л. Лисова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Жизнь пятикурсницы Амелии и её друзей превращается в кошмар, где цена каждого шага — жизнь. Чтобы спасти тех, кто дорог, им придётся пойти на безумный риск: заглянуть в глаза собственному страху и научиться действовать в редкие пятнадцать секунд затишья безжалостных титановых лопастей. Но удастся ли переиграть безупречную систему, когда время неумолимо утекает? «ЛОПАСТИ» — напряжённый научно-фантастический триллер о взрослении, хрупкости планов и отчаянной борьбе против холодного металла.

© Лисова Л.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
НИМК «Клиника №9»	7
Глава 2	15
Пицца, игры и те, кто рядом	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лопасты

Лина Лисова

Моим близким, которые всегда рядом, даже когда между нами километры

Любовь побеждает страх

© Лина Лисова, 2026

ISBN 978-5-0071-0446-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ИНЦИДЕНТА НИМК «Клиника №9»

СТАТУС: СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

В 23:30 по местному времени в кампусе НИМК «Клиника №9» был зафиксирован критический сбой центрального сервера. Из-за скачка напряжения всё здание осталось без электричества и связи с внешним миром. Экспериментальная система автономной экстренной стерилизации «L-OPASTI» перешла в автономный режим и распространилась за пределы операционных блоков на общие коридоры и лестницы. Сработал аварийный протокол: тяжёлые герметичные стальные двери на первом этаже заблокировались намертво магнитными замками.

В 02:40 ликвидационная группа констатировала смерть [ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ] человека. Характер повреждений указывает на множественные рассечения, нанесённые элементами роботизированных систем, передвигавшихся по потолочным рельсам и полу.

Из общего числа находившихся в кампусе живыми обнаружены [ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ].

Материалы дела изъяты из общего архива. Копирование запрещено.

Глава 1

НИМК «Клиника №9»

Научно-исследовательский медицинский кампус «Клиника №9». Это место стало пристанищем для всех: уютным домом для детей, нуждавшихся в лечении и заботе, университетом и работой для амбициозных студентов, исследовательской лабораторией для выдающихся учёных и только начинающих свой «путь в науку» лаборантов.

Говорят, что эту клинику и впоследствии все корпуса основал один безумный учёный, грезивший созданием «Медицинского города-приюта», в котором для каждого человека найдётся место. Он всю свою сознательную жизнь посвятил медицине, науке и строительству нашей «Нимки», так ласково мы называем свой дом. Не знаю, так ли это было на самом деле, но я безумно благодарна тому, кто это придумал и реализовал. Это значительно упрощает жизнь нам, неравнодушным студентам.

После пар, которые проходят у нас на втором этаже, мы поднимаемся на свой родной третий этаж, где располагается детский патронажный центр. Внутри него есть столовая. Там продают самые вкусные пирожки и котлеты с гречкой! Многие студенты приходят, выполняют задания по практике и уходят на свой четвёртый (официально студенческий) этаж. Но только не мы. Я, моя подруга и ещё несколько активных студентов попросили заведующего отделением, чтобы нам выделили место, где можно спокойно посидеть, разложить конспекты и не мешать никому. Он пошёл навстречу и разрешил нам пользоваться комнатой отдыха для практикантов — маленькой, тесной, зато своей. Мы её не то чтобы переделали — мы её обжили. На стене висит распечатанная схема эвакуации, на которой кто-то из нас ручкой нарисовал смайлик, чтобы она не выглядела такой строгой. Мы не раз засыпали с книгой сказок в руках у детских кроватей, а потом, когда сил уже не было, перебирались на кушетки в этой комнате.

Расскажу подробнее об устройстве кампуса. Вам может показаться, что здесь всё очень сложно и запутанно. Но это только на первый взгляд. Выделяются два корпуса: левый (клинико-учебный) и правый (лабораторный). Они соединены длинным стеклянным коридором, который идёт параллельно фасаду: сначала направляется прямо, затем делает поворот на девяносто градусов, после этого вновь тянется прямо. И так происходит на всех этажах.

Первый этаж — диагностический блок. Здесь регистрируют детей-сирот, а также тех, кто нуждается в медицинской помощи. Если пройти стойку администратора, можно увидеть длинный коридор и огромное количество кабинетов по бокам. В них дети проходят самое качественное медицинское обследование, по результатам которого их направляют на третий этаж. Здесь логика немного меняется. Коридор по-прежнему тянется вперёд, но в середине разделяется: две двери ведут в изолированные зоны под табличками «3.1» и «3.2». За каждой из них скрывается свой проход. Разница между этими отделениями принципиальная: первый блок предназначен для лечения острых инфекций, и он полностью закрыт на строгий карантин. Это необходимо, чтобы временно поступающие больные не контактировали со стационарными жителями соседнего крыла и не занесли инфекцию к тем, чьё здоровье и так уязвимо. Блок 3.2 — это не просто больничные палаты, а Центр комплексного детского развития и патронажа. Сюда попадают сироты с особенностями развития, которых клиника берёт под полную опеку. Они живут здесь годами в комфортных условиях, получая необходимую терапию, а студенты в рамках своей практики ежедневно занимаются с ними.

Итак, уже знакомый вам второй этаж. Планировка повторяет первый этаж: длинный коридор с аудиториями и комнатами преподавателей по бокам. В конце коридора — тот же стеклянный переход, выход к лестнице и дверь в лабораторию. Это университет и «обитель» пре-

подавателей. У них есть своя столовая (правда, там не такие вкусные котлеты), свои комнаты. А также здесь можно найти учебные аудитории, спортзал (да-да, куда же без физкультуры) и актовый зал. Мы стараемся не задерживаться на этом этаже, уж больно душная тут атмосфера.

О четвёртом этаже многого сказать не могу. Мы прожили там от силы несколько недель. Больше там оставаться было невозможно. Многие студенты устраивали шумные дискотеки, не готовились к практическим занятиям, пытались отвлекать других. Нет, поймите меня правильно. Я не утверждаю, что там все такие. Да, есть шумные и безответственные, но ещё есть и такие же равнодушные, как мы, но уже привыкшие к этой атмосфере студенты. Со многими мы общаемся, перебрасываемся парочкой фраз во время лекций занудных преподавателей. Здесь длинный пролёт по-прежнему ведёт к стеклянному переходу, но он выглядит менее «официальным»: на стенах появляются записки, наклейки, потёртости. За неприметной дверью в конце открывается внутреннее крыло общежития — по обе его стороны идут комнаты студентов. Некоторые двери приоткрыты, из них доносятся голоса, музыка, смех.

А мы... мы почти выселились. Так мы между собой говорим. Официально мы всё ещё числимся на четвёртом, но наши вещи, наши привычки, наше тепло — всё переехало на третий этаж, в комнату отдыха для практикантов.

Это была левая половина кампуса. Есть ещё и правая. Обычные студенты ограничиваются проходом по стеклянному коридору этого кампуса, чтобы добраться до левой половины, на которой нет лестниц. Не знаю, это задумка безумного учёного или экономия средств строителей, но лестницы между этажами есть только в правом кампусе, в середине стеклянного коридора после поворота. Это не всегда удобно, но что есть, то есть. Правое крыло устроено иначе: это открытое пространство, разбитое на отдельные «зоны» перегородками из стекла и металла. Здесь меньше дверей (но, тем не менее, они есть) и больше свободных проходов. На каждом этаже расположены большие технические двери, ведущие в подсобки, щитовые и вентиляционные камеры. Рядом находятся операционные блоки и огороженные стеклом площадки для экспериментов — с герметичными дверями и предупреждающими табличками. Но есть в этом корпусе и кое-что уютное: комнаты учёных и лаборантов. Они, словно лучики солнца, освещают этот научный, тёмный мир.

Иными словами, правый кампус — это огромная лаборатория. Здесь выдающиеся врачи проводят операции, талантливые учёные разрабатывают проекты, создают изобретения, модернизируют существование «Нимки», так сказать. Одно изобретение помогло сократить расходы на транспортировку и облегчило жизнь медсёстрам. И это — Единая монорельсовая транспортная система «Sky-Track». Она была создана для того, чтобы минимизировать контакты персонала с инфекциями. Её принцип действия такой: все корпуса соединены магнитными рельсами под потолком. По ним курсируют роботы-доставщики. Они тихонько шуршат и привозят в палаты лекарства, еду, чистые пелёнки и даже игрушки. Нажал кнопку — и к тебе в палату сверху опускается контейнер. Детям это даже нравится, они называют их «летающими почтальонами». Также можно встретить роботов-очистителей воздуха: это маленькие приборы, которые ездят по ночам и дезинфицируют ультрафиолетом пустые коридоры. К этим милым созданиям мы все привыкли.

Но это ещё не всё. Есть ещё одно изобретение, с очень странным названием «L-OPASTI». Мне показывали его фотографию, выглядит очень жутко. Это экспериментальная система автономной экстренной стерилизации «L-OPASTI». Это роботы, которые также передвигаются под потолком по специальным магнитным рельсам (только они не перемещаются вместе с нашими роботами, у этих страшил свои, закрытые рельсы). Их задача — после операций опускаться и с помощью вращающихся ультратонких лопастей-скальпелей мгновенно очищать воздух от биологических угроз, проводить бесконтактную лазерно-механическую дезинфекцию операционных комнат. Они выглядят как тонкие металлические трости с веером длинных плоских лезвий...

— Амелия, ты что, ограбила библиотеку?

Я резко обернулась. Внизу лестницы стоял Кирилл. Высокий аспирант в белоснежном халате, из-под которого выглядывала идеально выглаженная клетчатая рубашка.

Он удивлённо осматривал меня. Его очки слегка сползли на нос, он поправил их свободной рукой. Я пожала плечами, и в этот момент самая последняя книга из моей необъятной стопки выскользнула: она глухо ударилась о ступень, затем покатилась вниз, замедляясь на каждом стыке. Кирилл наклонился, подхватывая книгу прежде, чем она докатилась до следующего пролёта.

— Тяжело же. Ты их собираешься читать или использовать как оружие?

Я посмеялась. Это было действительно смешно, учитывая, каким количеством учебных пособий я себя загрузила. Парень протянул мне книгу, я осторожно взяла её. Мои пальцы дрогнули, и я поспешно сжала обложку, чтобы он не заметил.

— Скорее всего, первый вариант, — сказала я, улыбнувшись. — Но если будет нужно, то для второго варианта они определённо сгодятся.

Кирилл тихо усмехнулся. Я не успела ничего сказать, как вдруг он забрал у меня эту ношу и спросил:

— На третий этаж?

Я кивнула, неловко отведя взгляд.

Мы дошли до отделения. Мои книги были возвращены.

— Спасибо большое.

Аспирант неловко улыбнулся и отмахнулся. Мол «я ничего такого не сделал». Сделал. Ты делаешь то, что не делает никто другой. Заставляешь моё сердце бешено колотиться, а руки дрожать.

Он чуть наклонился вперёд, будто хотел убедиться, что нас никто не слышит, и тихо, почти шёпотом, сказал:

— У меня сегодня дежурство. Если хочешь... можешь заглянуть. Можно просто посидеть, выпить чаю. Обсудить, зачем тебе столько книг.

Он сказал это быстро, будто боялся, что если остановится хоть на секунду, смелость его подведёт, и снова поправил очки.

— Спасибо, — прошептала я. — Может, и загляну. И... ещё кое-что...

Кирилл внимательно посмотрел на меня. И я, немного помедлив, сказала:

— У тебя есть что-нибудь по патофизиологии? Я тону в этих терминах. Скоро семинар, а у меня такое ощущение, что я ничего не знаю.

Я посмотрела на него. В голове я прикидывала, сработает это или нет.

— Где-то валялись лекции, постараюсь найти. Если смогу их отыскать, то принесу. — Кирилл воодушевлённо улыбнулся. Он выглядел так, как будто был готов в эту же секунду рвануть на поиски лекций, книг, да хотя бы чего-нибудь: главное, чтобы был повод вернуться. На это я и рассчитывала.

— Спасибо большое, буду ждать, — я улыбнулась. Парень кивнул мне в ответ и поспешно удалился.

Я отнесла книги в наш уголок. Комната не была палатой, но планировка и правда напоминала её: вытянутая, с высокими окнами, будто её строили так, чтобы впускать как можно больше света. Мы привнесли в неё что-то своё: переставили две кушетки к левой стене — они встали в один ряд, друг за другом; одну оставили на прежнем месте у самого края правой стены. Кушетка заканчивалась как раз там, где начиналась раковина. У противоположной стены мы поставили стол, который теперь вечно загромождён моими книгами. Маленький обеденный столик и стулья стояли у окна. Рядом был компактный холодильник. А у основания правой стены стоял огромный шкаф, на котором сверху лежали свёрнутые матрасы. Когда мы устра-

иваем посиделки, стягиваем их на пол и сидим, укутавшись в плед, трескаем пиццу, смотрим какую-нибудь комедию или ненавязчивый сериал.

Кстати, о пище. Подумала о еде и сразу разыгрался аппетит. Пойду-ка я в столовую. Отведаю тех самых вкусных котлет с гречкой. Как раз время обеда наступило, нельзя игнорировать сигналы своего организма.

Прошло полчаса

Я закончила трапезу. Взяла чёрный чай. Жалко, что здесь нет такого, как у Кирилла в комнате. Я сделала глоток и погрузилась в воспоминания.

Месяц назад. Правая половина кампуса

Я шла по длинному коридору. Лампы тут старые, мигают с противным ритмичным звуком, будто отсчитывают секунды. Мне нужно было забрать материалы у лаборанта, и я не хотела идти одна. Кирилл будто случайно оказался тут же: «Я как раз в ту сторону», «Тут по пути», хотя путь у него явно лежал в другую сторону.

— Знаешь, я раньше думала, что самое страшное в этом корпусе — это расписание зачётов. А теперь понимаю: тут даже тишина какая-то... неправильная.

— Это не тишина. Это фоновый шум. Вентиляция, насосы в подвале, электрические помехи. Просто ночью мозг начинает вычленять из этого... узоры. И наделять их смыслом.

Я покосилась на него, слегка улыбнувшись.

— Ты всегда так делаешь, да? Берёшь то, от чего хочется бежать, и раскладываешь на части. Вентиляция. Насосы. Помехи. И вдруг становится... не так жутко.

Кирилл поправил очки. Он смотрел не на меня, а вперёд, будто, если посмотрит прямо мне в глаза, ему не хватит смелости говорить.

— Я не хочу, чтобы ты боялась. Если честно... я вообще не хочу, чтобы кто-то тут боялся. Но особенно ты.

Пауза. Он будто сам испугался того, что сказал.

— Прости. Это... слишком. Я просто... — начал говорить Кирилл торопливо, как будто пытался оправдаться.

Я остановилась и заговорила, глядя ему прямо в глаза:

— Не извиняйся. Иногда самое правильное, что можно сказать, — это «я не хочу, чтобы ты боялась». И знаешь, когда ты это говоришь, я правда чуть меньше боюсь.

Кирилл кивает, будто запоминает эти слова. И в этот момент лампа над нами гаснет. Не мигает, не щёлкает — просто гаснет, и коридор становится чёрным.

Я вздрогнула, инстинктивно сделав шаг прямо в объятия к аспиранту.

— Кирилл...

Мои руки оказались на его плечах. Он смущённо посмотрел на меня и пару секунд помедлил. Потом обхватил меня за спину — так аккуратно, будто боялся сделать что-то не так.

— Не бойся, я... рядом. Это просто электричество. Перегрузка. Или... или кто-то выключил автомат.

Как только Кирилл договорил, свет включился как по велению волшебной палочки. Он едва заметно улыбнулся.

— Вот видишь, всё прошло.

Я успокоилась. Моя хватка ослабла, я убрала руки и только сейчас осознала, насколько близко мы стояли друг к другу. Я неловко отвела взгляд.

— Прости, я... просто от неожиданности...

Кирилл мягко кивнул, и мы продолжили поиски кабинета. Мы прошли почти весь корпус и наконец-то нашли то, что искали. Я потянула ручку — дверь открылась. И вот, на краю стола, будто специально оставленные, лежат те самые распечатки.

Я схватила листы и крепко прижала их к груди, будто это не бумага, а спасательный круг. Наверное, так и было.

— Они здесь, как хорошо! Без них я бы просто пропала на этом семинаре. Кирилл, спасибо тебе большое...

Я посмотрела на аспиранта. И заговорила тихо, почти шёпотом, будто сама себе не верила, что сейчас это сделаю:

— Знаешь... если бы ты не пошёл со мной, я бы, наверное, развернулась ещё на втором этаже. Просто встала бы и не смогла сделать ни шага.

Кирилл чуть нахмурился, будто не понимал, за что его хвалят.

— Я ничего особенного не сделал. Просто... не хотел, чтобы ты шла одна.

Я сделала шаг вперёд — не резкий, не порывистый, а такой, где каждое движение осознанное. Я положила стопку распечаток обратно на стол, освобождая руки. И посмотрела ему прямо в глаза.

— Именно это и было особенным.

Я поднялась на цыпочки и поцеловала его. Не долго, не отчаянно, а как ставят точку в чём-то важном: «ты был рядом, и это имело значение».

Кирилл замер на долю секунды — будто его выключили, как те лампы в коридоре. Потом медленно, очень осторожно положил одну руку мне на плечо, будто боялся, что я исчезну, если он сожмёт чуть сильнее. И ответил на поцелуй — коротко, бережно, так, словно это не про страсть, а про благодарность: «ты мне тоже нужна».

Мы, оба знатно покрасневшие, отстранились.

Кирилл поправил очки — старый жест, но теперь в нём не было нервозности, а была попытка собраться.

— Если хочешь, можем зайти в мою комнату дежурного лаборанта, выпить чаю, отдохнуть от такого тяжёлого пути.

Я кивнула и улыбнулась. Аспирант едва заметно обрадовался, взял мои распечатки и повернул к двери. Ой, я чуть не забыла то, ради чего мы сюда пришли.

В обратную сторону мы шли быстрее. И немудрено: Кирилл знал, где находится его комната. И это было совершенно в противоположном направлении от того места, куда мы ходили за распечатками.

— Заходи, только не удивляйся бардаку, — Кирилл приоткрыл дверь и чуть посторонился, пропуская меня.

На двери с внутренней стороны висел аккуратный, ламинированный бланк дежурств по блоку. Мой взгляд скользнул по строчке, напечатанной строгим шрифтом: «Ответственный дежурный лаборант: Беляев Кирилл Дмитриевич». Я мысленно повторила это про себя, пробуя его полное имя на вкус. Беляев Кирилл Дмитриевич. Как же красиво и благородно это звучало, полностью отражая его мягкий, но сильный характер.

Комната была очень узкой. Кожаный диванчик стоял впрытик к шкафу, дверца которого была приоткрыта. Это было пристанище клетчатых рубашек. У другой стены стоял высокий угловой шкаф с книгами: тома по физиологии, неврологии, фармакологии, между ними — тонкие папки с распечатками. Рядом, чуть отдельно, теснились учебники для младших курсов — будто он держал их не для себя, а чтобы кому-нибудь отдать. Справа располагался второй шкаф, металлический, с замком. Он был лаборантским. Возле него стоял маленький холодильник. Стол у окна (точнее, у глухой стены, где окно было только на схеме) был заставлен так, что оставалось ровно столько места, чтобы поставить кружку и положить раскрытый журнал дежурств. В углу стола — настольная лампа с гнувшейся ножкой. В дальнем углу, за шкафом с

вещами, стояла маленькая электрическая плитка, которую не так легко разглядеть. На ней — металлическая кружка и крошечная кастрюлька.

— Тут тесно, зато всё под рукой, — тихо сказал Кирилл, заметив, как я осторожно оглядываюсь. Было страшно задеть что-нибудь и запустить какую-то невидимую тревогу.

Я шагнула внутрь, и дверь за мной мягко щёлкнула замком.

— Это что, расписание дежурств? — я кивнула на журнал.

Кирилл чуть смущённо поправил очки.

— И расписание, и отчёт. Сегодня я на дежурстве, поэтому не сплю, а фиксирую показания датчиков каждые два часа. А вообще... я тут и живу. Это комната дежурного лаборанта. Удобно: если ночью что-то случится, я уже на месте.

— То есть ты и спишь тут, и дежуришь?

— Ага. В какие-то дни я просто живу, в какие-то — официально дежурю.

Я осторожно села на край кровати, боясь нарушить привычный уклад, а Кирилл суетился у маленькой электрической плитки в углу.

— Вот, держи, — тихо сказал он, протягивая мне металлическую кружку. — Там мята и немного чабреца. Медсёстры поделились.

Я взяла кружку обеими руками, вдыхая горячий пар. Кирилл сел на стул напротив меня. От тепла чая его очки мгновенно запотели. Он смешно сморщил нос, снял их и принялся протирать подолом халата.

Без очков его лицо выглядело совсем юным, беззащитным и таким родным...

— Лия! — кто-то крикнул мне в спину. Размышления прервались, чашка чуть не выпала из рук. Я обернулась.

— Ах, Кира, это ты, — сказала я, полностью повернувшись к виновнице моего испуга, — зачем так кричать? Я чуть не разбила чашку. Из нашей любимой столовой, между прочим!

— Ну не разбила же, — ответила Кира, пожав плечами. Она села напротив меня. — Почему сидишь тут, в полном одиночестве? Я искала тебя на втором этаже, думала, что ты в библиотеке, обсуждаешь с ребятами новости.

— Я не в одиночестве. Я наедине со своими мыслями. Так, стоп. Какие новости?

— И что же они тебе говорят, твои мысли? Может, они советуют тебе не прогуливать пары?

Я нахмурилась. Кира виновато посмотрела на меня.

— Прости. Я понимаю, какие у тебя отношения с Зинаидой Петровной. Но это не повод не ходить на её пары. Если ты сдаёшься, значит, она выигрывает. Тут-то осталось потерпеть всего лишь месяц...

— Я не сдаюсь. Я просто... не могу себя пересилить. Как представлю её полный ненависти взгляд, её осуждение... Обидные слова в мой адрес, — я отвела взгляд. Промелькнули воспоминания. Очень болезненные. Как меня завалили на экзамене, как обсуждали меня за моей же спиной...

Кира накрыла мою руку своей.

— Прощу, не упоминай об этом. Я не хотела тебе напоминать, прости меня. Насчёт новостей, Раиса Михайловна сказала, что надвигается шторм. Она очень переживает, что её теплицу унесёт ветром.

Столовая разразилась смехом.

— Прямо-таки унесёт? — скептически спросила я.

— Не знаю, правда ли это или Раиса Михайловна зря тратит свои нервные клетки, но шторм действительно обещает быть сильным. Но я абсолютно уверена, что переживать из-за этого не стоит.

Я задумчиво оглядела столовую.

— Наши помидоры в безопасности, и их однозначно никто никуда не унесёт. Да и вообще, нам есть что есть. А Раиса Михайловна пусть переживает, её же пугает еда в столовой. — Мы засмеялись с новой силой. Вот такие уютные чаепития и продлевают нашу, порой сложную, порой несправедливую, жизнь.

— Девочки, повторите шутку, мы тоже хотим посмеяться!

Я обернулась. К нам подходила знаменитая четвёрка педиатрического факультета. Артём, Игорь, Максим, Денис — та самая компания, которую невозможно разлучить. Должен случиться потоп или землетрясение, чтобы эта четвёрка распалась.

Немного расскажу о них. Артём — самый весёлый парень на нашем курсе. Ему не нужен повод, он всегда и везде будет шутить 24/7. А мы, каждый раз как первый, будем заливаться смехом от его шуток. Он обладает просто потрясающим чувством юмора. Игорь — очень серьёзный студент. С ним не пошутишь. Книги, наверное, не выходят у него из головы. Он живёт, опираясь на законы логики. А говорит непременно на языке фактов. Одни факты и ничего более. Насколько я знаю, он мечтает стать лаборантом в правой половине кампуса. Ведь самое любимое его дело — анализировать данные, строить на их основании графики и ещё с десятков занудных дел. Максим неплохой человек, но как же он любит выпендриваться. Его хлебом не корми, дай показать свою силу. Сила есть, ума не надо. Я думаю, он по жизни идёт с этой цитатой. Но, стоит отметить, если кому-то нужна помощь, он придёт на помощь одним из первых. Денис создаёт впечатление тихого наблюдателя. Он не суетится, спокойно подмечает на первый взгляд незаметные детали и факты. И все они, как четыре детали одного пазла, дополняют друг друга и делают свой сквад¹ незабываемым.

— А вот надо вовремя приходить, чтобы не пропускать шутки мимо ушей! — съязвила Кира, разумеется, в шутку.

Ребята посмеялись и подсели к нам за столик. Мы болтали о практике в детском отделении, о ненавистных парах летнего теоретического интенсива, обсуждали злых преподавателей (привет Зинаиде Петровне!)

А потом на горизонте появился Кирилл. Он стеснительно поправлял очки на переносице. В его руках шуршал крафтовый пакет. А в сгибе локтя виднелся книжный переплёт.

— Всем привет! Не помешаю? — в голосе Кирилла слышалась лёгкая неуверенность. — Я принёс пирожные.

Все на секунду замолкли, потому что видели, как Кириллу непросто. Я прервала это молчание.

— Конечно, не мешаешь, садись сюда.

Градус напряжения снизился. Все поприветствовали наведавшегося гостя. Ребята тут же принялись разбирать пакет, а Кирилл неловко опустился на свободное место. Рядом со мной. Он вновь поправил очки и протянул мне книгу.

— Вот, ты просила.

На обложке красовалась надпись «Патофизиология. Теория и практика». Я потянулась за учебником и случайно наткнулась на его пальцы. Это секундное прикосновение заставило аспиранта вздрогнуть. Мы посмотрели друг на друга. В его глазах было так много несказанных слов.

«Почему? Почему ты молчишь? Ты же прекрасно знаешь, какой будет ответ. Так чего же ты боишься?» — мысленно заваливала я себя вопросами.

В это время вокруг снова зашумели: мальчики уплетали эклеры, кто-то пытался стащить чужое... Я едва успела выдохнуть, стряхивая с себя эту звенящую тишину между мной и Кириллом, как раздался возмущённый голос Максима.

¹ Сквад — это слово из молодёжного сленга, которое происходит от английского squad («отряд», «команда», «группа»).

— Артём! — вскрикнул Максим, уставившись на друга. — Ты пытаешься съесть второй эклер. Но это ещё полбеды. Ты пытаешься увести его прямо у меня из-под носа!

Мы захохотали. Артём, пойманный с поличным, осторожно убрал руку от пирожного, оставив его другу.

— Ребята, — сказала Кира, слегка откашлявшись, — как вы смотрите на то, чтобы собраться сегодня вечером у нас? Закажем пиццу, поиграем в настольные игры или посмотрим фильм.

— О-о-о-о-о, это замечательное предложение, — довольно протянул Артём.

— Да, как раз выходные начинаются, ничего не нужно делать, — подхватил Игорь.

Четвёрка согласилась. Мне кажется, они за любой кипиш, кроме голодовки. Я посмотрела на Кирилла, ожидая от него ответа. Он почувствовал мой взгляд и поднял глаза.

«Пожалуйста, приди».

Он, будто понимая, насколько это важно для меня (да и для него самого, чего уж тут скрывать), тихо произнёс:

— Я... тоже приду. До 21:00 я абсолютно свободен.

Я облегчённо выдохнула. Наверное, слишком громко. Даже сама услышала это. Я поймала на себе взгляд Дениса. Он чуть склонил голову, будто разгадывал какую-то загадку, и в его глазах мелькнуло понимание — такое спокойное, что мне стало не по себе.

Ребята повскакивали из-за стола, будто разом вспомнили, что у них ещё миллион дел — хотя на самом деле просто хотели выбрать, какую пиццу будем заказывать. Артём размахивал руками, доказывая, что «Пепперони — это базовый выбор любого разумного человека», Максим закатывал глаза и бурчал что-то про «вкусовые предпочтения, не подкреплённые логикой», Игорь спокойно тянулся за сумкой и предлагал всем не спорить, а просто взять побольше.

Я тоже встала, машинально прижимая к себе учебник по патофизиологии, и на секунду замерла, высматривая в этой суете Кирилла. Он собирал со стола пустые пакетики и крошки, будто ему нужно было чем-то занять руки, и снова поправил очки.

В этот же миг рядом оказался Денис. Он встал так, чтобы немного заслонить меня от общей суеты, и шепнул, наклонившись совсем близко, предназначая эти слова только мне:

— Не торопи его. Он не потому молчит, что ты ему не нравишься. Просто для таких, как он, сказать «да» — это уже почти подвиг.

Я хотела было возразить — мол, я и не тороплю, я вообще ни о чём таком не думаю, — но не стала. Потому что он видел. Видел, как я ловила каждое его слово, как ждала этого «приду», и как оно прозвучало для меня громче любого признания.

— Спасибо, — прошептала я.

Денис чуть улыбнулся и кивнул на Кирилла.

— А ещё он принёс пирожные. Это у него вместо «я рад тебя видеть». У каждого свой язык. Просто слушай не слова, а то, что за ними.

И мне вдруг стало легче. Не потому, что всё стало понятно, а потому, что я была не одна в этой путанице взглядов и пауз.

Глава 2

Пицца, игры и те, кто рядом

Наша компания неспешно разошлась. Разумеется, ненадолго. Вечером мы снова соберёмся. Мы с Кирой пошли в комнату, за нами увязался Максим. Он напросился в помощники. Ну конечно, без такого сильного парня, как он, мы явно не сможем достать матрасы со шкафа, снять пледы с кроватей на пол и переставить столик, который весит как обычная тумбочка.

В шесть рук дело пошло так ловко, что Максим, явно не ожидавший такой скорости, растерянно замер посреди комнаты.

— Мы так быстро справились. А я думал, что тут работы на целый час.

Кира сдалась и захихикала первая, неловко прикрывая рот ладонью. Я, глядя на эту заранее обречённую на провал попытку, поджала нижнюю губу и отвернулась к стене. Чтобы никто не видел, как мне тяжело сдерживаться, пока Максим, ничего не подозревавший, осматривал наше место для пикника.

— Девочки! — вскрикнул он, как будто его осенило, — мы ведь не приготовили тарелки и стаканы. А столовая вот-вот закроется.

Я повернулась, сделала вдох и спокойно сказала:

— Наверное, в этот момент ты слишком яростно спорил с Артёмом, — усмехнулась я, — что не расслышал, как Игорь сказал, что принесёт одноразовую посуду.

— А-а-а, точно, — Максим почесал затылок. — Молодцы, девочки. Всё замечаете. Ладно, я пойду, вдруг Артему и Денису нужна будет помощь. Они как раз должны были пойти за пиццей.

— Да-да, конечно, иди, они без тебя не справятся. Вся надежда на тебя, — выдавила Кира, еле сдерживая смех.

Максим кивнул и вышел из комнаты. Мы подождали, когда шаги стихли, переглянулись и засмеялись.

— Я не смогла сдержаться, — сквозь смех пробормотала Кира. — Наверное, он понял, что это сарказм.

— Кира, я тебя умоляю, — я серьёзно посмотрела на подругу, — Он свято верит в то, что Артём и Денис не смогут донести две коробки пиццы и несколько пачек сока в целости и сохранности.

— Ладно, пусть помогает. А нам с тобой нужно найти настольные игры. Во что будем играть? — Кира уставилась на меня. — В «Монополию», «Мафию» или, может, в карты? На раздевание?

Кира захихикала, наблюдая за моей реакцией. Моё лицо моментально вспыхнуло, стоило мне только представить, как бы это было.

— Кира, ты что! — я заметно занервничала и с трудом пыталась подобрать слова. — Это... неправильно. Мы не будем таким заниматься, это просто дружеская посиделка...

— Лия, расслабься. Я же просто пошутила. А вот насчёт монополии и мафии подумай. Ну и обычные карты тоже не стоит списывать со счетов, обойдёмся на этот раз без раздевания.

Мне хватило одного строгого взгляда, чтобы Кира тут же подняла руки:

— Всё-всё, сдаюсь!

Мы достали из шкафа все игры, которые только были. Не одним же нам решать, во что играть. Будем вместе выбирать.

Мы присели на пол передохнуть. Кира укуталась в плед так, что почти не было видно её лица, и уткнулась в телефон. Я едва заметно хихикнула, стянула с кровати подушку и обхватила

её руками. Как бы мне хотелось, чтобы это была не подушка. Я грустно взглянула на дверь. Почему Кирилл ещё не пришёл? А вдруг передумает?

Первым в нашу комнату заглянул Игорь. Он принёс посуду.

— Девочки, всё в силе? — спросил он с улыбкой.

— Конечно, — ответила Кира. — Мы вот уже подготовились. Не без помощи твоего друга.

Игорь посмеялся. Он с полуслова понял, кого мы имели в виду. Нам даже не нужно было называть это имя. Парень расставил тарелки и стаканы на столик, который еле-еле их уместил.

— А коробки поставим на пол, — спокойно добавил он.

Только Игорь договорил, в коридоре послышался топот, будто кто-то нёсся, не глядя под ноги, и тут же в дверь без стука ворвался Артём. В руках у него были две коробки пиццы, прижатые к груди, как самое ценное сокровище. Денис шёл следом, чуть медленнее, с пачками сока, и на лице у него было такое выражение, будто он всю дорогу уговаривал Артёма не уронить коробки на повороте. А Максим замыкал шествие, размахивая пакетом так, будто это был флаг победы.

— Мы живы! — выдохнул Артём, вваливаясь в комнату. — И пицца тоже! Ни одной вмятины!

Кира тут же вскочила, забыв про плед, который сполз у неё с плеч.

— Ты герой! Я официально записываю тебя в почётные доставщики!

Артём приосанился, поправил воображаемую медаль и торжественно водрузил коробки на пол рядом со столиком.

— Награда — это уважение и, желательно, первый кусок.

Денис, наконец поставив соки, усмехнулся:

— Уважение ты заработал. А первый кусок придётся заслужить.

Максим, не дожидаясь приглашения, шагнул вперёд и потряс пакетом.

— А я принёс! То, без чего вечер не вечер!

Все замерли и уставились на него.

— Ну, не томи! — не выдержала Кира.

Максим торжественно развернул пакет — и вытряхнул на столик три пачки печенья и... маленькую упаковку маршмеллоу.

— Для радости, — пояснил он с таким серьёзным видом, будто раскрыл государственную тайну. — Я подумал: пицца — это база. А сладкое — это душа вечера.

Артём хлопнул его по плечу.

— Макс, ты гений.

Игорь едва заметно улыбнулся.

— Спасибо. На перекус будет.

Я стояла в стороне и наблюдала за тем, как все суетятся. Я уже хотела шагнуть вперёд, сказать что-нибудь весёлое, чтобы поддержать этот вихрь, но дверь снова приоткрылась — медленно, осторожно, как будто тот, кто стоял за ней, не был уверен, что его ждут.

Кирилл замер на пороге, держа в руках свёрнутый в аккуратный рулон плед. Свёрток был тёмно-синий, в едва заметную клетку.

Очки чуть сползли, он их поправил привычным жестом, а потом, будто стесняясь, протянул его всем сразу, не выделяя никого.

— Я подумал... вдруг не хватит. У нас тут столько народу, а пледы быстро заканчиваются. Этот... он тёплый. Мама связала. Ну, не сама, конечно, но выбирала она. В общем, он хороший.

Он запнулся, будто сказал слишком много, и опустил взгляд.

В комнате вдруг стало чуть тише — не потому, что все замолчали, а потому, что услышали. Услышали не про плед, а про «мама выбирала».

Кира первой шагнула вперёд, бережно взяла свёрток и тут же развернула, встряхнула — и плед лёг мягкими складками, будто сам хотел укутать всех подряд.

— О, он такой уютный! — выдохнула Кира. — Прямо как из детства.

Артём тут же потянулся.

— Значит, это мой. Я заслужил.

Максим шлёпнул его по руке.

— Не смей. Это общий. Кирилл старался.

И в этом «старался» было столько простого уважения, что Кирилл чуть расправил плечи.

Денис кивнул на плед и спокойно сказал:

— Хороший ход. Теперь точно всем хватит. И даже Кире, когда она заснёт и начнёт стягивать всё на себя.

Кира возмущённо пихнула его в бок.

— Я не стягиваю!

— Конечно, не стягиваешь, — мягко улыбнулся Денис. — Просто у тебя особая техника укутывания.

Все рассмеялись, и даже Кирилл тихо хмыкнул, будто этот смех был ему нужен, как глоток тёплого чая.

Кирилл перевёл взгляд на меня. Я улыбнулась — просто, без лишних слов, — и чуть подвинулась, освобождая место рядом с собой на полу, среди подушек и уже разложенных пледов.

— Садись, — тихо сказала я. — Ты как раз вовремя. Мы ещё даже не выбрали, во что играть.

Он кивнул и шагнул внутрь, закрыв за собой дверь.

На полу уже лежали коробки: «Монополия», «Мафия», «Уно», обычная колода карт. Коробка с «Уно» оказалась у Артёма раньше, чем кто-либо успел сказать «а давайте». Он уже раскидывал карты веером, тараторя правила так, будто от этого зависела чья-то жизнь.

Денис тихо сел рядом с Игорем, посмотрел на эту кучу коробок и улыбнулся.

— Давайте так: пять минут в «Уно». Кто проиграет — тот раздаёт пиццу.

Все засмеялись, и даже Кирилл едва заметно оживился, будто ему наконец разрешили быть здесь не гостем, а своим.

Я тихонько накинула уголок того самого пледа на плечи Кирилла — совсем легонько, будто проверяя, не будет ли это слишком.

— Чтобы не дуло, — шепнула я.

Он чуть наклонил голову, будто хотел спрятать улыбку, и тихо сказал:

— Спасибо.

Артём уже раздал карты, Кира хихикала, Максим ворчал, Игорь спокойно раскладывал стаканы, Денис вскрывал пачки с соком — и вся эта суэта вдруг сложилась в одну простую, очень правильную картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.